

УДК 297.1:9. 94/94

Информация о статье:

И.Л. Бабич

Поступила в редакцию: 23.10.2015

Передана на рецензию: 24.10.2015

Получена рецензия: 12.12.2015

Принята в номер: 25.12.2015

Исламские ценности в жизни кавказских эмигрантов во Франции (1919–1939 гг.)¹

Институт этнологии и антропологии РАН; irina@babich1.net

После Октябрьской революции 1917 г. вместе с русскими в эмиграцию выехала и кавказская элита. Эмигранты осели в разных странах Европы, в т. ч. и во Франции. Приспосабливаясь к французской жизни, тем не менее, кавказские эмигранты сохраняли, как правило, свое религиозное вероисповедание: во Франции они оставались либо мусульманами, либо православными.

В предлагаемой статье, опираясь на материалы, обнаруженные нами во французских архивах и впервые вводимые в научный оборот в России, мы попытались показать, как ислам вплелся в северокавказско-французскую жизнь 1920–1930-х годов. В статье рассматриваются два аспекта: 1) ислам и православие в жизни северокавказских эмигрантов, 2) ислам в общественно-политической жизни кавказских эмигрантов. Автор приводит материалы судебных мусульман Северного Кавказа во Франции.

В статье также исследовано место ислама в жизни народов Северного Кавказа во Франции. Автор рассматривает общественно-политическую и бытовую стороны их жизни. Он приходит к выводу, что в 1920–1930-е годы место ислама не было ключевым в формировании идентичности.

Ключевые слова: *народы Северного Кавказа, ислам, государственность, Франция, Конфедерация народов Кавказа.*

After the October Revolution of 1917, the Caucasian elite left the country together with Russian emigrants and settled in different European countries including France. Adapting to French life, the Caucasian immigrants retained their religion and professed either Orthodoxy or Islam. The aim of the article based on the materials from French archives (new materials for Russia) is to demonstrate how Islam wove into the life of Caucasian immigrants in France in the 1920s–1930s. The author considers two aspects: 1. Islam and Orthodoxy in the life of North Caucasian immigrants, 2. Islam in the social and political life of Caucasian immigrants. The author studies the materials allowing to trace the destinies of Muslim immigrants from the North Caucasus in France. The article also examines the role of Islam in the life of North Caucasian immigrants in France. The social, political and other aspects of their life are considered. The author concludes that in the 1920s–1930s Islam was not a key factor in the formation of identity.

Keywords: *the peoples of the North Caucasus, islam, statehood, France, Confederation of Peoples of the Caucasus.*

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099 (рук. Е.И. Филиппова).

Введение

После Октябрьской революции 1917 г. вместе с русскими в эмиграцию выехала и кавказская элита. В ее состав входило много военных, служивших в имперской армии, гражданских чиновников, представителей мусульманской фракции Государственной Думы и т. д., которые, присягнув русскому царю, не меняли своих убеждений до конца жизни. Эмигранты осели в разных странах Европы, в т. ч. во Франции. Несмотря на то, что большинство из них воспринимали чужбину как временное место пребывания, кавказским эмигрантам пришлось адаптироваться к французской жизни. Самое трудное было выучить французский язык, поскольку большинство эмигрантов с Кавказа не владели никаким иностранным языком. В течение 1920–1930-х годов внутри кавказской диаспоры во Франции использовался русский язык, поскольку вся кавказская элита, находясь на гражданской и военной службе, получала образование в русских учебных заведениях и прекрасно владела русским языком. Лишь следующее поколение первой кавказской волны – их дети, получая образование во французских учебных заведениях, овладевали французским языком.

Приспосабливаясь к французской жизни, кавказские эмигранты тем не менее сохраняли, как правило, свое религиозное вероисповедание: во Франции они оставались либо мусульманами, либо православными. Нам неизвестны случаи перехода в католичество или протестантство.

В предлагаемой статье, опираясь на материалы, обнаруженные нами во французских архивах и впервые вводимые в научный оборот в России, мы попытаемся показать, как ислам вплетался в северокавказско-французскую жизнь 1920–1930-х годов.

В целом во Франции оказалось достаточно много материалов, которые осели в различных государственных и частных архивах, освещающих различные стороны жизни кавказских эмигрантов 1920–1930-х годов. Назовем прежде всего два частных архивных фонда – архив крупного азербайджанского деятеля *Али Мардана-бека Топчибаши (Топчибашева)* и архив его сына – *Али Акбара Топчибаши (Топчибашева)*, которые хранятся в библиотеке Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы в Париже (CERCEC, EHES). В них находится значительное число материалов, освещающих общественно-политическую жизнь кавказских эмигрантов в Европе вообще и во Франции в частности. Поскольку общим языком для всех народов Кавказа был русский, то большинство этих материалов – на русском языке. На французском языке написаны те материалы, которые были предназначены для французских политиков, чиновников и т. д.

Значительный материал был обнаружен нами в архиве *Большой ложи Франции*, в котором находятся документы по истории русских и кавказских масонских лож. Эти материалы наряду с материалами других лож Франции (например, ложи Великого Востока) в настоящее время доступны для исследования и представлены главным образом на русском языке. Все представленные выше архивы – частные. Их особенностью является то, что в них отсутствует принятая в российских архивах система нумерации фондов, описей и дел. Как правило, все материалы содержатся в папках, коробках, в которых нет нумерации листов и т. д.

Кроме того, сохранилась старая часть мусульманского кладбища *Бобиньи* (под Парижем), на которой были похоронены многие кавказские (в т. ч. и северокавказские) эмигранты. Могилы сохранились, но прочесть фамилию погребенного можно лишь на некоторых могилах.

Ислам и православие в жизни северокавказских эмигрантов

Значительную часть северокавказских эмигрантов составляли военные, казаки, служившие в различных военных частях российско-имперской армии. Как известно, российская империя в течение всего XIX – начала XX в. активно привлекала северокавказцев на военную службу. Их охотно брали на воспитание в военные школы, кадетские корпуса, училища и др. учебные заведения. Несмотря на то, что принятие православного крещения не было обязательным условием военной службы в имперской армии (в ней были и мусульманские полки), это, безусловно, приветствовалось. Поэтому случаи перехода из исламского вероисповедания в православную веру среди северокавказских военных или гражданских чиновников были частыми. Приведем несколько примеров.

Православными были северокавказские эмигранты: осетин, офицер *Михаил Николаевич Абацев*, служивший в Осетинском полковом дивизионе; офицеры российской армии, полковники адыги *Пиш-Мурза* и *Эль-Мурза* Тамбиевы; бжедуг, князь, дипломат *Василий Николаевич Гаджемук*; осетины – казаки *Николай Матвеевич Байтуганов*, *Константин Семенович Лотиев*. Кабардинец, крупный военной деятель российско-имперской армии, генерал *Константин Николаевич Хагондоков* (принял православное крещение, хотя его родители исповедовали ислам). Он сам об этом говорил во время беседы с ним русских масонов с целью принятия в ложу². К.Н. Хагондоков, игравший ключевую роль в деятельности северокавказской эмиграции во Франции, был масоном, Президентом Комитета помощи черкесским беженцам Северного Кавказа в Париже (Comitede Secoursdes Refugies Circassiensdu Caucasedu Norda Paris) и т. д. [3]. Все они были похоронены на православном кладбище Сен Женевьев де Буа, что недалеко от Парижа [8].

Православным человеком был и известный в эмиграции общественный осетинский деятель *Тамбий Елекхоти*. 3 мая 1953 г. в первую годовщину его кончины в Александро-Невском соборе в Париже была отслужена панихида³.

В то же время в 1930-е годы северокавказских мусульман стали хоронить на мусульманском кладбище Бобиньи, которое также располагается недалеко от Парижа. Известно, что на нем были похоронены: полковник Дикой дивизии и 2-го конного Черкесского полка, адыг *Пишемаф Челеметович Аджигоев*, ингуш *Магомед Эльджиевич Джабагиев*, крупные общественные деятели: чеченец *Абдул-Меджид Баитарович Бадуев*, кумык *Гайдар Бей Нажмудинович Баммат*, кабардинец *Измал Магометович Шаков* и многие другие. Мусульманином был и ингуш *Джамал Албогачи*. В Париже он успешно работал танцором и хореографом. Смерть его застала в Касабланке (Марокко), где он и был похоронен на мусульманском кладбище⁴. Мусульманской была и семья известного генерала российской армии адыга *Султан Клыч-Гирея*, его жена *Гульджан* и дочь *Элла* похоронены также на Бобиньи в 1961–1962 гг. На 40-й день кончины Гульджан и в годовщину кончины дочери Эллы (26 апреля) в Парижской мечети был прочитан Коран. Присутствовали родственники и друзья⁵.

Подобное соединение христианских и исламских традиций мы наблюдаем и в следующем факте: 6 июня 1959 г. в Париже умер родственник известного военного российской армии адыга П. Аджигоева – Шхан-Гирей Аджигоев, скорее всего тоже военный. Оба Аджигоева были мусульманами. Как сообщено в газете «Русская мысль»,

² Архив Большой ложи Франции (Париж).

³ Журнал «Русская мысль». – Париж, 1953. – № 550, 1 мая.

⁴ Там же – 1949. – № 171, 14 сентября.

⁵ Там же. – 1962. – № 1815, 22 марта; – № 1830, 26 апреля.

П. Аджигоев с женой и друзьями – адыгами Казанокowymi на 9-й день кончины Шхана-Гирея, т. е. 14 июня 1959 г., прочитали Коран на квартире в Париже⁶. Как известно, в исламе нет поминок на 9-й и 40-й день. Это православная традиция, которая вплелась в исламскую жизнь северокавказских эмигрантов во Франции.

На кладбище в Бобиньи в 1953 г. похоронен и кабардинец, генерал российско-имперской армии *Федор Николаевич (Тембот Жанхотович) Бекович-Черкасский*. Тембот Жанхотович родился 14 мая 1870 г. в Малой Кабарде в княжеской семье и по семейной традиции стал военным в русской армии. Его отец и дед были на российской военной службе. Кабардинский род Бековичей-Черкасских очень известный в Российской империи, из него вышла плеяда блестящих полководцев и политических деятелей. Они честно и плодотворно служили России со времен Петра I.

Тембот окончил Елисаветградское кавалерийское училище, офицерскую кавалерийскую школу, был участником русско-японской, мировой и гражданской войн, дослужился до генерал-майора, став Георгиевским кавалером. Во время службы в российской армии Тембот принял православное крещение с именем Федор.

Федор Николаевич Бекович-Черкасский проживал в Париже, многие годы сохранял монархические взгляды, которые он приобрел, находясь на военной службе в России. В эмиграции он стал активным членом русской монархической организации николаевского толка (т. е. сторонников бывшего Верховного главнокомандующего Российской армией Великого князя Николая). Великий князь Николай также проживал во Франции и в те годы считался одним из главных претендентов на российский трон.

В эмиграции Федор Николаевич принимал участие в деятельности военных союзов, в частности находившихся в Правлении Союза Георгиевских офицеров, Союза офицеров Кавказской армии, Объединении бывших воспитанников Николаевского Кавалерийского училища, Объединении кирасир Его Императорского Величества полка. Его кавказские корни практически не сказывались на его жизни и деятельности во Франции. Несмотря на то, что его иногда приглашали на заседания националистических организаций, направленных не на восстановление монархической власти в России, а на создание независимых кавказских государств, он не посещал их. Мы находим лишь одно упоминание о его членстве в *Кавказском обществе «Алаверды»*, которое не было связано с политическими движениями и преследовало чисто культурные цели. Отметим, что Федор Николаевич не принимал участие в поддержке немцев в их войне против СССР. В годы войны он был одним из руководителей Русского антифашистского сопротивления в Париже⁷ [8].

Свои связи с военными и казаками Федор Николаевич сохранял вплоть до самой смерти. Приведем стихотворение на смерть генерала «Памяти Бековича-Черкасского», обнаруженное нами в частном архиве сына Али Мардана-бека – Али Акбара Топчибаши⁸ [9]. Автор стихотворения – казак, хорунжий Лейб-гвардии казачьего полка Иван Иванович Сагацкий, родом из станицы Ново-Николаевской Кубанской области. Иван сделал успешную карьеру во Франции, работал инженером и был достаточно известным человеком в эмигрантских кругах⁹.

Усопший князь! Смиренье пред утратой
Не любит тени сдвинутых бровей.

⁶ Там же. – 1959. – № 1380, 11 июня.

⁷ Подробнее см.: *Бабич И.Л.* Адыги – участники Первой мировой войны: их судьбы в эмиграции // Сб. ст. «Вопросы казачьей истории культуры». – Майкоп, 2014.

⁸ См.: Некролог // Газета «Русская правда». – 1954. – № 7, 19 февраля.

⁹ Интервью автора с Директором Музея лейб-гвардии казачьего полка Александром Павловичем Бобриковым, 7 декабря 2015.

Склоняясь, как все, пред жизнью, Роком смятой,
Я молчалив пред памятью Твоей.
Тебе не надо больше ни печали,
Ни теплых слов, ни почестей иных:
Теперь Ты там – в покое светлой дали
У рубежей бессмертья неземных.

Ты ждешь, но вскоре Ангел светлоокий
Твоих томлений снимет боль и гнет
И душу сам Твою в простор широкий,
Оставив прах, на крыльях понесет.
Туда, где цепи строгие Кавказа
Ушедших лет легендою горды,
Где снег и ключ горят огнем алмаза,
В ущельях прежней отчей Кабарды.
Туда, где род Твой древний, судьбы края
Связавший с мощью русских всех царей,
Твой путь мечтает к тайнам вечным рая
Направить сам до призрачных дверей.

И, знаю я, потомкам правоверным
Дороже станет твой бездушный прах
И будет к сыну, внемля предкам верным,
В Преддверьи Рая милостив Аллах!

Из этого стихотворения мы видим, что Федор Николаевич или скорее уже Тембот, поменял веру, принял ислам, и именно поэтому он был похоронен на мусульманском кладбище под Парижем в Бобиньи 16 ноября 1953 г. Его жена, калмычка – Надживат Каплановна пережила его более чем на 25 лет, последние годы жила в Доме русских военных инвалидов в Монморанси, где и умерла в 1979 г. Она была также похоронена на мусульманском кладбище в Бобиньи.

Многие видные представители русской элиты, оказавшиеся в эмиграции во Франции, имели многолетний опыт участия в масонских ложах Российской империи. С начала 1920-х годов им удалось возобновить деятельность своих лож, как правило, в рамках двух французских лож: Большой ложи Франции и Великой ложи Востока [10].

Русские масоны обратили свое внимание на общественно-политический потенциал кавказцев-эмигрантов для того, чтобы объединить кавказские силы в рамках единой масонской ложи и привлечь их к общей борьбе против СССР, но в рамках единой Российской империи как монархического государства [2, с. 36–41]. «Включение» кавказцев в масонскую деятельность началось с ложи «Астрея». В течение первых двух лет в ложу вошли 8 представителей Кавказа. В нашем распоряжении оказались их «досье», в которых находятся следующие документы: 1) просьба о посвящении желающего вступить в ложу, 2) рапорт о беседе с ним по политическим вопросам, 3) рапорт о беседе с ним по философско-религиозным вопросам, 4) рапорт о беседе по биографии и определению личных качеств желающего вступить в ложу. Эти документы нам удалось обнаружить в *Архиве Большой ложи* (Париж, Франция)¹⁰. Благодаря ответам на религиозные вопросы мы получили ценную информацию о религиозности некоторых северокавказских деятелей, проживающих в эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы.

¹⁰ Архив Большой ложи Франции (Париж).

Мусульманами были многие видные общественные деятели Северного Кавказа, оказавшиеся в эмиграции, масоны: лезгин И. Гайдаров, балкарец Т. Шакманов, кабардинец И. Шаков, ингуш М. Куриев. Степень их «исламизации» была разной: так, юрист Тау-Султан Келеметович Шакманов (Шакман), по мнению русских масонов, слабо разбирался в исламе и был «готов осваивать основы мировых религий и мировой культуры». Врач Измаил Магометович Шаков, как отмечали русские масоны, «принадлежа к Магометанскому вероисповеданию, которое, как по форме, так и по содержанию чтит и уважает, в то же время относится ко всем религиям с одинаково глубоким уважением, убежденный, что Бог у всех один, а что религия есть способ приближения к Божеству». Полковник российско-имперской армии Мурзала (Мурцала) Муссиевич Куриев, по мнению русских масонов, был «магометанином..., верующим и исполняющим обряды своей религии». Член III-й Государственной Думы Ибрагим-Бек Исабекович Гайдар (Гайдаров), по мнению известного масона П. Половцова, «свою мусульманскую религию ставит очень высоко, считая, что при правильном ее понимании, она дает человеку очень высокий идеал»¹¹.

Не вдаваясь в данной статье в историю участия кавказцев в деятельности русских масонских лож, отметим, что их принадлежность к исламу никоим образом не влияла на окончательное решение о принятии в члены ложи.

Ислам в общественно-политической жизни кавказских эмигрантов

Несмотря на то, что главным для эмигрантов была адаптация к французской жизни, значительной составляющей их бытования являлась общественно-политическая деятельность. Кавказцы проводили огромную работу, связанную с формированием политических партий, движений, а также с созданием программ, в которых обозначались цели и задачи данных общественных организаций. В основе всех программ, уставов движений и т. д. лежал вопрос о видении будущего Кавказа либо в составе России, либо независимого в виде одного государства, нескольких государств или Конфедерации государств. В контексте темы нашей статьи важен ответ на вопрос: каково было место ислама во всех этих концепциях?

Главной целью большинства так называемых «националистических» кавказских объединений было создание независимых от России кавказских государств. Наиболее популярной или точнее – наиболее пропагандируемой во французской эмиграции была концепция построения нескольких государств на Кавказе в виде Конфедерации народов Кавказа. Инициатором этой идеи был крупный азербайджанский деятель Али Мардан-бек Топчибаши (Топчибашев), который сумел объединить большую часть общественных сил кавказской эмиграции вокруг этой идеи. Исключение составляли армяне, которые упорно на протяжении многих лет отказывались входить в эту организацию.

Целью данного объединения было сформировать на Кавказе единое государство на базе нескольких (четырех) менее крупных государственных объединений: Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа. Эта идея появилась в кавказских эмигрантских кругах Франции практически сразу. Уже в 1924 г. был подготовлен Документ об образовании Конфедерации 4-х республик Кавказа, подписанный общественными деятелями Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа (кроме Армении, которая не была готова подписать данный документ, но за ней было оставлено место в Конфедерации)¹².

В частном архиве, в котором хранятся все материалы о жизни и деятельности Али Мардан-бека Топчибаши, мы обнаружили его рукопись под названием «К вопросу о возможности объединения эмигрантов-кавказцев (азербайджанцев, армян, грузин и

¹¹ Там же.

¹² Архив Али Мардан-бека Топчибаши (Топчибашева), чем. VIII // CERCEC, Париж (Франция).

северокавказцев) в Париже и вообще за рубежом» [11]. Рукопись не имеет даты, мы ориентировочно можем датировать ее 1931 г. Позднее нами был найден машинописный вариант данной работы (в другом частном архиве его сына – Али Акбара)¹³.

Али Мардан-бек Алекпероглы Топчибаши (Топчибашев) (1863–1934 гг.) был крупным азербайджанским общественным и государственным деятелем, юристом и журналистом, депутатом Первой Государственной думы России, где в рамках мусульманской фракции много сделал для модернизации жизни мусульман на Кавказе. Позднее он стал председателем парламента Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.) и в этом статусе выехал за рубеж, где и был вынужден остаться [5; 8].

Идея создания конфедеративного государства во многом и принадлежала Али Мардан-беку Топчибаши, и он много сделал для ее продвижения в общественно-политическом сознании кавказцев и французских политиков.

Рукопись А.М. Топчибаши посвящена анализу возможности создания данной Конфедерации. Автор внимательно изучал все стороны жизни кавказцев: их истории, традиции, языков. Вот что писал А.М. Топчибаши: «Идея о необходимости Конфедерации 4-х республик Кавказа все более делается популярной и пускает корни среди наличных деятелей означенных республик как здесь, так и на местах. Соответствуя многим общекавказским условиям и данным, идея эта имеет теперь горячих сторонников не только в партиях и организациях и в лице вообще активных работников на политической арене и в борьбе за освобождение наших народов от ненавистного ига, но и среди кавказских элементов, по тем или иным причинам и соображениям стоящих в стороне от политики, но не могущих быть, конечно, чуждыми ей, равно как проникнутых патриотическими стремлениями ко благу Кавказа и его народов, и придерживающихся чисто кавказской ориентации».

Идея Конфедерации владела умами кавказских эмигрантов вплоть до начала Второй мировой войны, на протяжении почти 20 лет. 14 июля 1934 г. в Брюсселе лидерами национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа был подписан Пакт Кавказской Конфедерации. Перечислим тех, кто его подписал: М.-Э. Расул-Заде, А. Топчибаши (от Азербайджана), Н. Жордания, А.И. Чхенкели (от Грузии), М. Сунш, И. Чулик, Т. Шакманов (от Северного Кавказа). По-прежнему не удавалось привлечь в Конфедерацию армянских лидеров.

Как отмечал А.М. Топчибаши, одним из основных препятствий для успешного объединения в рамках Конфедерации являлось языковое разнообразие, присущее кавказским народам. Необходимо было выбрать единый язык для 4-х кавказских государств. Более 100 лет таким языком для народов Кавказа был русский, которым они овладели достаточно хорошо: сменилось несколько поколений, которые изучали русский язык в русских школах Российской империи. А.М. Топчибаши указывал, что «в сношениях между собой народы Кавказа, не имея, к сожалению, общего языка, вынуждены пользоваться русским языком в продолжение более ста лет... Этот язык стал поневоле общим, заставшим народы Кавказа в период отделения от бывшей России и образования Республик... Правительства этих последних вынужденно вели свои сношения на этом языке между собой, при посредстве его происходили и происходят наши конгрессы, совещания, комиссии и пр., равно как и здесь между официальными кавказскими органами, лишь иногда прибегающими в сношениях между собой к помощи французского языка. Усвоить этот последний более или менее удовлетворительно возможно лишь среднему и особенно молодому поколению, учившемуся во французских

¹³ Архив Али Акбара Топчибаши (Топчибашева) // CERCEC, Париж (Франция). Кор. III.

учебных заведениях». Поэтому и в эмиграции кавказцы общались между собой на русском языке, разрабатывая между тем идею создания общего языка на базе кумыкского.

Уделяя много внимания вопросу о языке в будущей Конфедерации, А.М. Топчибаши совсем ничего не писал о религиозном разнообразии, свойственном кавказским народам, и особенно об исламе как ведущей религии в регионе. Почему? Это странно, если мы примем во внимание огромный вклад, который внес Али Мардан-бек в период своей работы в мусульманской фракции Государственной Думы: ему принадлежат различные инициативы по изменению статуса ислама и кавказских мусульман в Российской империи.

Ответ на этот вопрос можно найти, если обратиться к основным принципам данной Конфедерации:

1. «Создание светского государства, построенного на основах мирового народоправства, обеспечивающего за всеми гражданами без различия пола, национальности и вероисповедания равные гражданские права».

2. «Восстановление частной инициативы и признание частной собственности индивидуальной и коллективной с теми ограничениями, которые предусматриваются законодательствами передовых демократических европейских стран».

3. Форма будущего государства – демократическая республика.

Таким образом, мы видим, что в основе построения новой «государственности» на Кавказе в рамках Конфедерации народов Кавказа ислам как ключевая ось идеологии нового государства вообще не рассматривался. Правомерна ли такая постановка вопроса? И что дало бы такое государство народам Кавказа вообще и Северного Кавказа в частности?

Как нам представляется, «надрелигиозность» Кавказской Конфедерации была мерой скорее вынужденной, чем глубоко обоснованной и продуманной. При существующем религиозном и этническом разнообразии другого пути формирования единого государства как светского просто не было. Иначе бы новообразованное государство оказалось в пучине межрелигиозных конфликтов. Популярность идеи кавказской Конфедерации в эмиграции свидетельствует о том, что в 1920–1930-е годы ислам, исламская идеология не были ключевыми сферами жизни, оставаясь делом исключительно личным и семейным.

Между тем встает вопрос: были ли все же в кавказской эмигрантской мысли другие теории «государственности», связанные с исламом? Да, были. Идею создания религиозного (исламского) государства разрабатывали главным образом общественные деятели Северного Кавказа. Авторы этой теории обращались к историческим событиям, происходившим на Северном Кавказе в XIX в., а именно: к истории создания, существования и исчезновения Имамата Шамиля. Имамат создавался как мусульманское государство. Неизвестный северокавказский деятель под псевдонимом Э. Хасан подчеркивал, что тот тип государственности, которую стремился построить Шамиль, идеально подходил для горцев Северного Кавказа. Государство Шамиля – это идеал общества и власти. 1838–1845 гг. – «это расцвет горской государственности». Э. Хасан отмечал, что в настоящее время следует стремиться к «северокавказской государственности, олицетворяемой Имаматом Шамиля» – исламского государства, которое пытался сформировать имам Шамиль в XIX веке на Кавказе [12, с. 12–14]. Эти идеи поддерживал известный северокавказский общественный деятель в эмиграции, осетин, журналист Барасби Байтуган [1, с. 26–30]. В течение многих лет он издавал в Европе журнал «Горцы Кавказа», пользовавшийся большой популярностью.

Подчеркнем, что идеи формирования на Северном Кавказе мусульманского государства не получили достаточной поддержки среди общественных деятелей Закавказья: мусульманских азербайджанцев и тем более православных грузин, которые считали, что религия лишь разъединяет народы Кавказа, о чем мы писали выше в связи с созданием Конфедерации народов Кавказа.

В целом место и влияние в общественно-политической жизни эмиграции во Франции северокавказских общественных лидеров были значительно слабее их южнокавказских собратьев: они не могли «доминировать», и им было достаточно трудно отстаивать свои идеи. В общественно-политической жизни кавказских эмигрантов в 1919–1939 гг. ислам не только не поддерживался в этих кругах, а наоборот, его роль старались преуменьшать, чтобы он не смог разъединить и так достаточно разрозненные народы Кавказа.

Как мы уже указывали, часть северокавказских лидеров была увлечена масонскими идеями и примкнула к русским масонским ложам, которые начали активно действовать во Франции. Цель этой организации во Франции – «участие масонов в восстановлении жизни в России», поэтому в ходе политических вопросов, задаваемых профанам (т. е. желающим вступить в ложу), главными стали вопросы об отношении к России, к будущей форме правления в России, отношении к будущему национальных регионов бывшей Российской империи, в том числе и Кавказа [2, с. 13].

Политические взгляды северокавказских лидеров, которые стремились вступить в русские ложи, имели большое значение: для новых членов проводилась отдельная беседа по изучению их политических воззрений. Как правило, все они имели промонархические взгляды, все они видели Северный Кавказ в составе будущей Российской империи¹⁴. Масоны Т. Шакманов, И. Шаков, М. Куриев, хотя и были мусульманами, не разрабатывали идеи мусульманского государства Северного Кавказа. Более того, масон Т. Шакманов в своих политических воззрениях прошел путь от монархических взглядов и видения будущего Кавказа в составе Российской империи до участия в качестве северокавказского лидера в Конфедерации народов Кавказа, ратующей за независимость от России и светские основы государственности.

Исключение составляли взгляды члена III Государственной Думы, мусульманина Ибрагим-Бека Исабековича Гайдара (Гайдарова), который подчеркивал, что не следует преуменьшать роль и влияние ислама на народы Северного Кавказа. В беседе с русским масоном П. Половцовым он говорил, что «в мусульманской стране не может быть отделения церкви от государства, ибо ислам руководит и школой, и судом и т. д.», подразумевая под такой страной свой родной Дагестан. Далее он уточнял: «Для дагестанца шариат и адаты вполне достаточный свод законов, другого ему не понять»¹⁵.

Заключение

Таким образом, мы видим, что северокавказские эмигранты, которые после 1917 г. начали жить во Франции, безусловно, стремились адаптироваться к европейской жизни, где исламские ценности занимали незначительное место, а ислам как религиозный институт был в то время достаточно слабо представлен. Между тем в эмиграции общественно-политические силы Кавказа стремились объединить всех кавказцев, и религиозная принадлежность в данном случае могла являться препятствием к этому, в силу чего религиозные ценности не были определяющими в формировании кавказской (северокавказской) идентичности в европейской эмиграции в 1919–1939 гг.

Литература

1. *Байтуган Б.* Гражданское и военное устройство при Имаме Шамиле // Горцы Кавказа (Les Montagnards du Caucase). – Париж. – № 30. – Июль 1932 г. – С. 26–30.
2. *Бурьшкин П.А.* История русских масонских лож. Черновик (напечатанный на машинке вариант) // Архив Большой ложи Франции. – Кор. III. – С. 1–25.
3. *Вороков В.* Великие черкешенки Франции. – Нальчик, 2014.

¹⁴ Подробнее см.: *Бабич И.Л.* Кавказ и российская монархия // История государства и права. – 2014. – № 23–24.

¹⁵ Архив Большой ложи Франции (Париж).

4. Гасанлы Д. Али Мардан-бек Топчибашев: жизнь, эпоха, единомышленники (к 150-летию со дня рождения) // Кавказ и глобализация. – 2013. – № 1–2.
5. Исхаков С.М. (сост.) А.М. Топчибаши. Документы из личных архивов 1903–1934 гг. – М., 2012. – 280 с.
6. Исхаков С.М. Воспоминания А.М. Топчибашева о Российской империи // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. – 2015. – № 2.
7. Исхаков С.М. (сост.) Из истории азербайджанской эмиграции: сборник документов, произведений, писем. – М., 2011.
8. Мнухин Л.А., Авриль М., Лосская В. Российское зарубежье во Франции (1919–2000). Энциклопедический словарь. – М., 2008–2010. – Т. 1–3.
9. Сагацкий И.И. Памяти Бековича–Черкасского // Архив Али Акбара Топчибаши (Топчибашева) // CERCEC. Париж (Франция). – Кор. III. – С. 1.
10. Серков А.И. Русское масонство, 1731–2000. Энциклопедия. – М., 2001.
11. Топчибаши (Топчибашев) Али Мардан-бек. К вопросу о возможности объединения эмигрантов-кавказцев (азербайджанцев, армян, грузин и северокавказцев) в Париже и вообще за рубежом // Архив Али Мардан-бека Топчибаши (Топчибашева) // CERCEC. Париж (Франция). – Чем. IX. С. 1–35.
12. Хасан Э. Эпоха Шамиля // Северный Кавказ. – Париж. – № 1. – Май 1934.

References

1. Baitugan B. Grazhdanskoe I voennoe ustroistvo pri Imame Shamile [Civil and Military Rule under Imam Shamil] *Zhurnal «Gortsy Kavkaza» (Les Montagnardsdu Caucase)*. ["The Mountaineers of the Caucasus" Journal (Les Montagnardsdu Caucase)]. July 1932 g., Paris, no. 30, c. 26–30.
2. Buryshkin P.A. Istoriya russkikh masonskikh lozh. Chernovik (napechatannyi na mashinke variant) [History of Russian Masonic Lodges. Draft (typed version)] *Arkhiv Bol'shoi lozhi Frantsii [The Archives of the Great Lodge of France]* Kor. III. S.1–25.
3. Vorokov V. *Velikie cherkeshenki Frantsii*. [Great Circassian Women of France] Nal'chik, 2014.
4. Gasanly D. Ali Mardan Bek Topchibashev: zhizn', epokha, edinomyshlenniki (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya) [Ali Mardan Bek Topchibashev: Life, Epoch, Associates (to the 150th Birth Anniversary)] *Zhurnal «Kavkaz i globalizatsiya»*. ["The Caucasus and Globalization" Journal] 2013, no. 1–2.
5. Iskhakov S.M. (sost.) A.M. Topchibashi. *Dokumenty iz lichnykh arkhivov 1903–1934 gg.* [A.M. Topchibashi. Documents from Personal Archives. 1903–1934] Moscow, 2012. 280 s.
6. Iskhakov S.M. Vospominaniya A.M. Topchibasheva o Rossiiskoi imperii [Memoirs of A.M. Topchibashev about the Russian Empire] *Zhurnal «Vestnik Vostochnoi ekonomiko-yuridicheskoi gumanitarnoi akademii»* [Bulletin of the Eastern Economic-Legal Humanitarian Academy]. 2015, no. 2.
7. Iskhakov S.M. (sost.) *Iz istorii azerbaidzhanskoi emigratsii: sbornik dokumentov, proizvedenii, pisem.* [From the History of Azerbaijani Emigration: a Collection of Documents, Works and Letters] Moscow, 2011.
8. Mnukhin L.A., Avril' M., Losskaya V. *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii (1919–2000). Entsiklopedicheskii slovar'*. [Russian Emigres in France (1919–2000). Encyclopedic dictionary] Moscow, 2008–2010. Vol. 1–3.
9. Sagatskii I.I. Pamyati Bekovicha – Cherkasskogo [To the Memory of Bekovich – Cherkassky] *Arkhiv Ali Akbara Topchibashi (Topchibasheva)* [Archive of Ali Akbar Topchibashev] CERCEC, Parizh (Frantsiya), V. III. P. 1.
10. Serkov A.I. *Russkoe masonstvo, 1731–2000. Entsiklopediya*. [Russian Masonry, 1731–2000. Encyclopedia] Moscow, 2001.

11. Topchibashi (Topchibashev) Ali Mardan-bek. К вопросу о возможности объединения эмигрантов-кавказцев (азербайджанцев, армян, грузин и северо-кавказцев) в Париже и вообще за рубежом [To the Issue of Potential Associations of Caucasian Immigrants (Azeris, Armenians, Georgians and North-Caucasians) in Paris and Abroad in General] *Архив Али Мадан-бека Топчибаша (Топчибашева)* [Archive of Ali Mardan-Bek, Topchibashi (Topchibashev)] CERCEC, Париж (Франция), Vol. IX. s. 1–35.

12. Касан Е. Эпоха Шамиля [The Era of Shamil] *Журнал «Северный Кавказ»* ["The North Caucasus" Journal] Париж, Май 1934, no. 1.